

МАРИТА МОВИНА-МАЙОРОВА
САША ГЕНЕРАЛЛОВ

Армейские Небылицы — 2

КАК Я СЛУЖБУ СЛУЖИЛ

**Саша Генераллов
Марита Мовина-Майорова
Армейские Небылицы – 2.
Как я службу служил**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65551341

ISBN 9785005387608

Аннотация

Сборник рассказов «Армейские Небылицы-2. Как я службу служил» – вторая книга серии «Армейские Небылицы» ранее был опубликован в первом сборнике «Армейских Небылиц», который сразу завоевал симпатии широкого круга читателей. Лёгкий, ненавязчивый юмор автора и самоирония героев на фоне зарисовок из жизни армии 80-х и 90-х, иллюстрированных авторскими рисунками, – всё это делает книгу незабываемой. Предупреждаем, читая, вы не сможете сдержать улыбки, а вспомнив, снова улыбнётесь. Приятного чтения!

Содержание

Как я службу служил	5
Как я службу начинал	5
Душевный разговор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Армейские Небылицы – 2

Как я службу служил

Марита Мовина-Майорова
Саша Генераллов

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

Редактор Б. Майоров

Корректор Б. Майоров

© Марита Мовина-Майорова, 2022

© Саша Генераллов, 2022

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0053-8760-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0053-8761-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я службу служил

Как я службу начинал

Памяти полковника Трусова Ю. Д. – Бати.

Обучение в училище подходило к своему закономерному завершению.

Прошло четыре года с тех пор, когда я, желторотый и наивный парнишка, цепляясь за авторитет старшего брата, ре-

шил поступать вместе с ним в военное училище, поступил-таки – опять же, благодаря его заступничеству и авторитету – и учился вместе с ним до четвертого курса, но тоже – помогая ему косить от нарядов и всячески прикрывая его, и взамен получая от него помощь в освоении военных наук.

Однако после третьего курса наши пути разошлись. Брат решил пойти в вольные музыканты (предварительно получив на то благословения мамы – она же изначально ему сказала: «Отдашь долг Родине, сынок, и можешь потом сам решать – быть тебе потомственным военным или не быть»). Вот после третьего курса братик и решил. А я остался училище заканчивать – раз начал дело, стало быть, надо его до конца довести – так нас тоже мама учила. Но, честно говоря, к этому времени и я уже понял, что мои детские представления о романтике службы в армии, когда я вместе с отцом выезжал на полигон, наблюдал за службой солдат в гарнизоне, вместе с ними ел кашу, – подували. Да и время, когда я все это видел и переживал, было другое: то было в середине 80-х, а сейчас на дворе был 1998 год.

Потому, чем ближе приближался выпуск, тем упорнее я думал о том, что служба эта не для меня, и что сразу же по прибытии к месту назначения, подам рапорт об увольнении. Надо сказать, что таких как я, к моменту окончания училища было немало – кто был курсантом в те годы, понимают – почему.

Так вот.

А за полгода до выпуска преподаватели уже смотрели на нас, как на практически готовых офицеров. Все понимали, что госы, экзамены – это уже формальность: не выпустить тебя уже нельзя – ты хоть какой, но это училище уже закончишь, потому что все данные на выпускающихся офицеров поданы в Генеральный Штаб, про каждого выпускника уже там, наверху, известно, куда он пойдёт служить, куда едет, в какой гарнизон, и, конечно, поэтому на госах кому-то сказать «извини, ты не сдал» – такого не бывает. Зная об этом, все наши парни ходили руки-в брюки, плевали во все стороны, понимая, что осталась ерунда – полгода – и для них настанет нормальная, военная жизнь конкретно!

И на этом фоне нас учили, что самое главное, с чего начинается служба молодого лейтенанта, это представиться командиру части. Причём, ритуал – священный, никогда и никем не нарушаемый, и вообще – нарушишь – копец, копец, копец! Первым делом, где бы ни стояла часть, в какое бы захолустье ты ни попал, какая бы там ни была обстановка, ты должен явиться на рапорт в парадной форме: белая рубашка, галстук, золотые погоны – то есть, все на тебе должно блестеть, сиять – это твоя визитная карточка! Второе: ты должен представляться ТОЛЬКО командиру полка! Лично! В его кабинете! Один на один! И ритуал такой там: стучишься, заходишь, чеканишь шаг, должен выучить рапорт (вот прямо сейчас и начинайте учить!) – «товарищ полковник! лейтенант такой-то! выпускник такого-то училища! прибыл для

прохождения дальнейшей воинской службы под вашим командованием!» Всё. Доклад закончил. И дальше на все вопросы командира части – коротко и четко. И дальше будет все нормально. Только так и никак иначе! Если так не представишься – всё: крест на своей дальнейшей службе поставишь. Потому с этого надо обязательно начинать: обязательно парадная форма, один на один, в кабинете и ровно такой вот доклад. Всё!

Стали мы учить. Правда, кто стал, кто не стал – а я выучил, проникся, отец, тем более военный, и я четко представлял, как всё это будет... Теперь об этом смешно вспоминать, зная, как это на самом деле у меня произошло.

Ну и вот. Прошли госы, шампанское там, вино, радости, отпуск, и вот настал срок – собрался я, наконец, следовать в часть.

А послали меня служить на Сахалин. В какую-то часть, которую я даже на карте не смог найти: искал-искал название – нет такого названия!

Прилетели мы вдвоём с товарищем на этот Сахалин. Я ехал туда, считая, что там ни людей, никого – одни части стоят и аборигены какие-то ходят. Не взял гражданку, даже ботинок не взял – одну форму: чего я там в гражданке ходить буду среди медведей!

Приезжаем – ё-маё! – аэропорт, клубы, пятиэтажки, девят-

тиэтажки -ё-маё! – правда, света нигде нет. Спрашиваем – говорят: свет периодически отключают – два часа есть, два часа – нет: перебои с электроэнергией – ё-ё-ё-маё!

Товарищ говорит:

– Пойдём пивка попьем – прибытие отметим.

– Ну, пошли.

Подходим к ларьку.

– Ну, что – наше Питерское?

– Давай – наше Питерское.

Двадцать пять рублей!!! Ё-маё! В Питере семь рублей бутылка! – улетали. Прошло четырнадцать часов полёта – уже двадцать пять!

Ну, купили.

– С такими ценами пива не попьёшь...

– Да уж... это точно.

Ну и всё. Посидели вечером в гостинице, попили пива, а на утро товарищ должен был ехать в свою часть, я – в свою: мы в разные части попали.

Стал я у местных расспрашивать, где часть моя находится. Один мне говорит:

– Слухай сюда, сынок: сядешь в автобус – номер такой-то – и поедешь. Поедешь, поедешь, он будет долго ехать. Проедет один населённый пункт, потом другой, потом третий... потом поля-я-я-я, а потом начнётся часть – но это не твоя часть! – ты не выходи! – потом проедете, часть закончится, потом снова поля-я-я-я, потом снова часть – но ты

не выходи!

Я уже начинаю напрягаться, думаю: «Ё-маё! Сколько же ехать?!» Спрашиваю:

– Сколько ехать-то?

– Да недолго – около часа. – А потом, – говорит, – вдруг раз! – и пятиэтажка появится. Будешь ехать – и такая пятиэтажка будет, как будто из леса будет торчать. Ни забора, ничего не будет видно – одна пятиэтажка. Вот это твоя, значит, часть. Ты и выходи.

Честно? Прибило это несколько меня. Думаю: «Вот это да! Вот это я попал!» Меня даже подташнивать начало от того, что я вообще не понимаю, где я нахожусь, куда мне ехать, и что меня ждёт на этой дальней Сахалинской земле. Только вчера сел в самолет, вышел... Ещё вчера был в Питере, по Дворцовке*¹ ходил, на закат смотрел. Специально прогулялся, посмотрел, подышал Питером... И тут, на тебе – какой-то Сахалин, где нету света, пиво дорогое, и черт знает, куда мне ещё ехать не понятно. Если бы я ещё на поезде ехал семь дней, я бы уже акклиматизировался, я бы уже горел желанием хоть куда-нибудь, но рвануть. А здесь...

Потому немного подташнивало меня от такого нервного напряжения. И главное: как бы не посрамиться – фу-у-у! как бы не посрамиться перед командиром части! Так: парадка! белая рубашка! А жар-а-а-а! стоит. Это я приехал – август месяц. Август очень жаркий там – начало Сахалинско-

¹ Дворцовка (жарг.) – Дворцовая площадь. Санкт-Петербург. Прим. автора.

го лета. Жари-и-и-и-ща!!!.. Короче, всё – я в полной парадной форме! Фуражка эта тяжелая на башке! Ну, сел в автобус – еду. Автобус старый, долбанный-раздолбанный старый «Львовский», с советских времён – но рессоры мягкие. Пыль из-под дверей, движок сзади тарахтит – тук-тук- тук! – и в салон что-то там периодически выбрасывает. Я понял, что копец уже, что-то уже совсем не то. Народу мало, в основном какие-то, то ли бичуги, то ли... ну, не знаю, странные какие-то. В наколках, песни блатные из машин: «не-не-не» ... От всей этой обстановки мне, конечно, страшновато, непривычно, но мысль все равно только одна: надо вперёд! меня ждёт часть! и я же не собираюсь здесь торчать – как только доложусь, сразу рапорт на стол командиру части на увольнение, и главное – не посрамиться перед командиром части! весь ритуал представления соблюсти!

И вот я еду-еду, поля-поля кругом, какие-то дома, из города уже выехали, понеслись по полям, дорога федеральная, а представляет из себя кусочек хреновенького асфальта, одна полоса в одну сторону, другая – в другую – всё! пупырышками такими асфальт, обочины нет – сразу кювет. Во-о-т... Еду – поля-поля, значит, кругом, мне все тоскливее и тоскливее. Но, думаю: «Сегодня суббота, в части, скорее всего, никого нет, представлюсь по-быстренькому, я же сегодня всего первый день, и обратно – в гостиницу рвану – надо оклематься».

И вот я еду, еду, и вдруг пошли вот эти части, про кото-

рые мне мужик местный сказал, что мне не надо выходить. Смотрю я и реальное ощущение, что вот это прошла война, и ничего не убрали: разбито всё – разбитые окна, разбитые стекла, здания без крыш, вертолётные какие-то металлоломные уже стоят, видимо, вертолётный полк был, – короче разру-у-у-ха полная! Я думаю: «Не дай бог, если это – мой полк! Ф-у-у! это – не мой полк! слава богу – проехали!»

Едем дальше – опять типа такого же полка: сначала военный забор, потом эта разруха опять – у меня уже совсем настроение упало, думаю: «Да что ж это такое! Куда я, к черту, попал вообще?!» А я до этого только в Кантемировской – элитной – дивизии был – стажировку проходил – там же все чин чинарём! А здесь мы уже в такую заехали глушь! Думаю: «Да мой-то полк уже где?!» И тут вижу зелень – деревья! И они так давно уже, видно, растут, так ровненько-ровненько – как забор. О! А это и есть на самом деле забор. Просто он уже так плотно деревьями зарос, что за ними его уже так сразу и не разглядеть. И тут вижу – О! – пятиэтажка торчит! Точно – прямо посреди леса! – так: бум! – и выросла пятиэтажка. Думаю: «Фу!!! Наконец-то я доехал! Хоть что-то определённое, хоть такой разрухи нет!» И вот останавливаемся, вылезая один, дорога такая: туда-а-а – никого, обра-а-а-т-но – никого: только пыль такая – фить-фить-фить – после автобуса вьётся – ни-ко-го! ни машин, ни людей! Остановка почти возле КПП. А со-о-олнце! Жар-и-и-ища! Перед ним, КПП этим, два, значит, противотанковых, типа – купо-

лов таких – два небольших наземных дота, то есть, такие две бетонированные конструкции, чтобы боец, значит, к пулемёту встал и градом пуль противника поражать, значит, начал. Краска защитная на них уже давно облупилась – года три-четыре их точно не красили.

Подхожу, стучусь в дверь, захожу в эту каморку – воня-я-я-ет! – это вот когда вместе солдаты, форма грязная, сапоги, вакса – всё помещение пропитывается таким казённым, вонючим запахом ядрёным! Потом, конечно, я к нему привык.

Ну, захожу, значит, сидит там такой старший лейтенант, танкист, щупленький такой, нос крючком, а глаз пытливый – потом другом моим лучшим стал – и улыбается мне так: «Э-э-э», – во весь рот – дружелюбно. Я спрашиваю:

– Как мне пройти к командиру части?

Тот выходит и показывает. А за КПП какая-то пыльная дорога, не асфальтовая, с ямами такая, по ней пыль метётся – фью, фью, фью, – и где-то вдалеке здание одноэтажное в советском стиле, со ступенями – и флагшток рядом.

– А где командир? – спрашиваю.

– А там, – говорит, – увидишь. Можешь через стадион пройти.

Смотрю я, а стадион – это заросшее травой поле и на нём остатки каких-то спортивных снарядов, ворот футбольных развалившихся. Траву не косили давно, видать, но тропинка протоптана. А вокруг этого, типа – стадиона, деверья, деревья, и дальше начинается тайга.

И вокруг – ни-ко-го!!! вооще-е-е!

– Не, – говорю, – я по дороге. – И пошел. А вокруг пы-ы-ль!!! Фи-и-и-ую, фи-и-ую... вид парадки уже серый стал от пыли, жарыща, в горле першит, но мысль у меня только одна: «Так! как меня учили: только один-на один, в кабинете, доложи-и-ить! рапорт на забы-ы-ыть! всё чётко, от зубов!» А сам весь на вздыге: не опозориться! не опозориться! и – да куда я попа-а-ал! куда попа-а-ал!!! Параллельно так мысли бьются, ещё без осознанки полной всего происходящего.

Навстречу кто-то в форме мне попался наконец, спрашиваю – где командира полка найти?

– А вон, на дороге стоит.

Смотрю, стоит такой мужик в камуфляже, такой *реально* мужик, уверенный такой, рядом с ним подполковник и ещё какой-то чувак. И вот командир явно что-то этому чуваку объясняет. А вокруг тишина-а-а... Там казарма, там вдалеке ещё какое-то здание, я так понимаю – столовая, ещё какое-то здание и штаб. Всё. Больше ничего нет. Ни плаца... шлак только – ну вообще – ни-че-го! А дальше сопки, сопки! Такое впечатление, что это хозяйственная часть какая-то на отшибе.

В общем, стоит этот мужик, я начинаю подходить, рядом с ним, как я понимаю, командир дивизиона, подполковник, губами так пожевывает – такой маленький, на чертика похожий – худощавенький, загорелый, глаза реально черные, уши так торчат, и видно, что умный... а меня ж учили: один-

на один! в кабинете! – я смотрю на командира, он смотрит на меня – чувака он отпустил, – этот второй, подпол, на меня тоже смотрит... а меня ж учили: один-на один! в кабинете! Думаю лихорадочно: «Ну как же поступить?! Как поступить?! чтоб не осрамиться?» А вопрос кучерявый такой – я же говорил уже, что ехал сюда не просто так – ехал увольняться. Я думал, что приеду, доложусь и прямо скажу: «Товарищ полковник, я хочу уволиться». Но в этот момент мысли про увольнение я уже выкинул, подхожу всё ближе к ним и думаю, что сейчас главное доложиться, черт уже с ним, один-на один, в кабинете – не получается, не буду же я его в кабинет приглашать! И я по этой пыли! строевым шагом! носочек тяну! п-ы-ы-ыль столбом! Командир смотрит так на меня, типа: ну-ну, покажи, какой ты есть, посмотрим на тебя, как ты себя тут поведёшь. Без улыбки, без всего, так вот встал, руки за спиной, ноги расставил и так стоит. Берцы на нём такие, на коленях пузырятся штаны от афганки, сверху ремень, нижняя пуговица на кителе расстёгнута – такой реально массивный мужик.

Короче – я такой: строевой шаг! товарищ полковник! лейтенант такой-то! выпускник такого-то училища! прибыл для дальнейшего прохождения службы под вашим командованием!

А он, такой, глядя сверху на меня:

– Чё! кушал сегодня? (ну, не «кушал» сказал, немного по-другому, по-простому).

Я обалдел!

– Виноват, товарищ полковник, ...я не понял.

– Ну, завтракал сегодня? ел сегодня?

– Чаю попил... ну, там... в гостинице... – все равно ничего не поняв, проблеял я.

– Служить хочешь?!

А здесь вот я понял, что, если отвечу «нет» – прибудут меня тут!

– Так точно! товарищ полковник! Хочу!!! – все планы об увольнении у меня в этот момент – фьюх!!! – улетели сразу: говорить такому «никак нет» – просто нереально, потому бодро и ответил «так точно! хочу!»

– Деньги есть?!

Я мямлю:

– Есть... немного. – А сам оторопело думаю: «Может, дать займы хочет?»

– Никому займы не давай! Всё, что есть – держи при себе, потому не известно, когда ты получишь!

И дальше пошли вопросы: где остановился, где, чуть ли, ни спал, где тебя поселить?

– Да я назад, в гостиницу сегодня, там и переночую...

– Какая гостиница ещё! Вещи где? Вещи привёз?! Жена есть?

– Нет, – дальше блею, – жены нет и вещи не привёз.

А я же специально хитрый ход сделал, вещи не привёз, чтобы сказать, что вещи не привёз, потому в гостиницу по-

еду за ними и там и переночую. На черта мне сдалась эта часть! Хотя бы оклематься чуть-чуть!

А он – подполу:

– Так! машину ему дать вещи привезти!

Я уже совсем балдею: движуха такая ради меня началась, машину дают! – с одной стороны приятно, с другой: я же не планировал здесь ночевать, дружок меня в гостинице ждет, узнать же хочется, как у него представление прошло!

А он дальше подполу:

– Вот, смотри, Василий Терентьевич, молодой лейтенант пришел, надо его покормить – дай команду, чтобы накормили как следует. Так... теперь... Куда же его поселить?.. поселить... так, в общежитие его нельзя, там из него сделают птурс*² ... (как я понял потом – сопьётся он там). Значит, мы его в санчасти поселим, пусть там живёт – там у нас свободно.

И пошел.

² ПТУРС – противотанковый управляемый реактивный снаряд. Прим. автора.

Подполковник подхватил меня:

– Ну, что? Откуда, говоришь? – зенитное? А-а-а, я тоже зенитное закончил, – и повел он меня в столовую.

Идём, и я всё осматриваюсь. Одноэтажное здание за штабом – точно, столовой оказалось. По правую сторону от неё вижу дорожку, выложенную из бетонных плит в один ряд, за этими плитами флагшток и какая-то, типа трибуны, небольшая, оставшаяся от советских времен развалюха, а дальше – просто гора шлака квадратная: квадрат, засыпанный шлаком.

Я в недоумении:

– Товарищ подполковник, а где у вас тут плац?

Подполковник:

– А вот он, – и на эту гору шлака спокойно так указывает.

– Но ведь при каждом шаге, наверно, тучи черной пыли вздымаются? – туплю я. – А как это?..

– Ну, как? Так – с котельной периодически подвозят.

Ну всё, думаю, конкретно я куда-то залетел! А он меня ведёт, в столовую заводит, а я в этой измазюканой форме уже совсем не сияющей и не парадной, да ещё на невыносимой жаре, как обезьяна себя чувствую...

Ну что дальше рассказывать?

Накормили меня знатно, очень вкусно: много мяса, каша, сладкий чай.

Но я ем и всё думаю: «Как же мне свалить отсюда?» – и говорю:

– Поеду я, товарищ подполковник, за вещами, наверно, переночую там, пока туда-сюда... и приеду завтра...

– Не-не! – отвечает, – езжай за вещами и возвращайся обратно. Ты уже доложил, здесь будешь жить.

О машине я уже и не заикаюсь, потому как понимаю, что её мне никто не даст, конечно: понт, как я понял, всё это был, но ничего: на автобусе в Сахалинск прокатился и обратно – таким же макаром. Дружок мой уже в гостинице был, тоже с выпученными шарами:

– Не, никуда я сегодня ехать не поеду!

И ехать он, действительно, вообще не собирался – ведь

тоже ехал увольняться и, как я позже узнал – десять дней он в части не появлялся – надеялся, что уволят. Не вышло.

Да кто тебя с Сахалина уволит?! Только через расстрел или на Курилы. Как я уже позже узнал, с Дальнего Востока не увольняли. Кто до Урала попал – те увольнялись, а кто на дальний Восток... кто тебя уволит? – некому служить. Да! а ещё у нас в училище перед выпуском кто-то слух пустил, что новый Устав принимается, и там ввели обращение «господа офицеры». Мы друг к другу так и начали обращаться. Никто нас не поправлял, может, думали препода, что мы так шутим. А здесь я приехал – какие господа офицеры?! – такие реально ка-а-а-менные – товарищи! Такие советские! эпоха такого мощ-щ-щного Союза – проро-о-осшего! Ещё один облом!

Ну, вот. Он остался, а я поехал обратно в часть: вещички забрал и поехал. Поселили меня и правда – в санчасть. Сижу я в одиночестве, грущу, Питер вспоминаю... Потом всё же решил вещи разобрать, и только успел вытащить их из чемоданчика – входит ко мне командир дивизиона и бодро так, говорит:

– Собирайся, лейтенант, командир приглашает тебя к столу.

Я чуть не ошалел! Цельный командир части – и меня, зелёного лейтенанта, – к столу! Это что означает? Это означает, что карьера поперла конкретно! А я же ещё и не пью!!! Я даже вспотел от волнения.

– А никак нельзя, чтобы не пойти? – аккуратно так спрашиваю.

– Да ты что?! Командир части!

Ну, я понял, что идти придется. Как потом оказалось, капитан один из части – майора получил, и в этот вечер представлялся.

Сели за стол и вначале неуютно мне было сидеть среди старших по званию, но постепенно вижу: офицеры – по-свойски ко мне, командир – по-простому, я и успокоился.

Посидели мы так за столом. За ним я узнал, что полгода уже денег не выдают, пайка три месяца как – тоже нет, нищета конкретная, в столовке через хлеб «можно смотреть на звёзды» – то есть, очень тонко нарезается, и то, только для солдат, и солдат стараются сытно кормить, – а вот офицерам хлеб не полагается. Так вот... А у нас в этот вечер на столе из закуски была только ячневая каша, жареная с местным Сахалинским лопухом, который по вкусу грибы напоминает, немножко картошечки – все из остатков пайка, водка – самопал какой-то. И всё. Короче, поприсутствовал я на этом мероприятии, узнал, что нищета кругом, денег нет и не будет ещё не известно сколько, пайка, как я уже сказал, три месяца нет... и так далее.

Пло-о-о-хо же мне стало! Ох, как плохо! Не до веселья, не до карьеры – вообще ни до чего – свалить бы отсюда!

Да-а-а... Вот так вот...

Ну, а потом была командирская баня!

Опять же пытался я отбрыкаться:

– Товарищ полковник, может, я лучше в солдатской? –

Не получилось.

– Нет, будешь париться в моей! – сказал командир как отрезал.

Парился я вместе с зампотехом полка, который уже своё отслужил и собирался выходить на пенсию, и тот меня все успокаивал, что только первые двадцать лет тяжело – потом привыкаешь, и что «все будет хорошо, все будет хорошо», отчего меня ещё больше тошнить начало.

Так закончился мой первый день в части... А на следующее утро я проснулся с тяжелой головой и понял, что «да, вот она где моя ж*па настала, на этом Сахалине, в этом гарнизоне».

Вот так я прибыл на Сахалин служить.

P.S.

Как часто бывает, что только спустя многие годы, начинаешь понимать и ценить людей, встретившихся на твоём пути.

Так произошло и со мной: спустя годы и десятилетия, уже когда шло к завершению написание этого рассказа, я внезапно, вновь пройдя путь молодого лейтенанта, каким был тогда, в конце 90-х, осознал, что наш командир, полковник Юрий Дмитриевич Трусков, казавшийся мне строгим до придирчивости, иногда – несправедливым и чрезмерно суро-

вым, был всем нам, особенно молодым офицерам, настоящим Батей. Он радел за нас, за вверенный ему гарнизон и нашу офицерскую честь как настоящий отец. И только благодаря его заботе, скрывавшейся за строгостью и даже – грубостью, мы все тогда выживали. И выжили.

Душевный разговор

АРМИЯ 90-х

Караульный городок располагался на краю нашего гарнизона, разместившегося прямо посередине тайги – просто вырубали деревья – получился полк, а дальше снова всё тайга, сопки, сопки... стоишь так вот на плацу – а вдали сопки синеют, голубеют – красота!..

Да, так вот: на краю гарнизона – склады там всякие, хозяйственные постройки – располагался караульный городок с караульным помещением для караула и его начальника. И был этот городок огорожен железным забором с массивными воротами, запиравшимися на крепкий замок.

И сейчас в эти железные ворота, что есть силы, колотил чей-то кулак. К кулаку периодически добавлялся сильный пинок ногой, и чей-то голос, с надрывом раненного зверя, ревел:

– Дай автомат! Дай автомат!

В то время, в середине 90-х, мало сказать: плохо, очень плохо, – просто катастрофически обстояли дела с обеспечением офицеров – что с денежным довольствием, что с продовольственным. Выходили из положения, кто как умел: по-

что все держали небольшие огородики, в сезон занимались собирательством – ягоды там, грибы, папоротник, и, конечно, рыбалили.

Гарнизон наш, как я уже упомянул, стоял прямо посередине тайги, задние дворы его заполняли склады, хозпостройки. Караульный городок находился там же. А дальше от него шла проселочная дорога, протоптанная не одной парой сапог за долгие десятилетия стояние гарнизона в этом богом забытом месте, и окруженная сплошной тайгой. Дорога эта шла круто вниз и упиралась в самое подножие сопки, вдоль которого, и огибая его, текла мелькая речушка, шириной метра в два, куда офицеры и ходили рыбачить. В обычное время рыбы было немного, но когда начиналась путина, и горбуша шла на нерест, рыбы здесь было завались, и тогда в гарнизоне начинался настоящий пир. Рыбнадзор редко заглядывал сюда, так как и речка и, считай, даже сама сопка, находились на территории гарнизона – короче – это были уголья военных. Кроме того, не для кого не было секретом, в том числе и для Рыбнадзора, как туго приходилось военным с продовольствием, особенно семейным – с женами и маленькими детьми – потому на этот горбушный промысел офицеров местные власти смотрели сквозь пальцы.

Однако, надо сказать, кроме военных, полакомиться рыбкой, кишмя кишевшей в такое время в этой речушке, были любители и покруче...

А тем временем в ворота караульного городка что есть силы колотил чей-то кулак и к кулаку периодически добавлялся сильный пинок ногой, а чей-то голос, с надрывом раненного зверя, продолжал реветь:

– Дай автомат! Дай автомат!

Этот надрывный крик услышал молодой солдатик, несший службу внутри караульного городка и в это время обходивший его по периметру. Сейчас он находился за углом караульного помещения, то есть – так называемой караулки, и услышав такой рев, струхнул, не понимая происходящего. Он кинулся к телефону для связи с начальником караула и судорожно набрал номер:

– Ломятся в ворота, товарищ капитан.

– Кто ломится? – безо всякого интереса, не обращая никакого внимания на явно взволнованный, едва сдерживаемый, грозящий сорваться на крик голос рядового, тихо произнес капитан Шепелев, сидя, развалясь, на бывалом стуле, вытянув длинные ноги под пульт управления связью с постами. И для такого отношения к происходящему у капитана были все основания: гарнизон был маленький, территориально и по службе офицеров замкнутый на себе, да и пополнялся он новыми кадрами крайне редко, а два старых деревянных двухэтажных барака, отведенных под квартиры для офицерского состава, стояли бок о бок, все всех знали и жили как одна семья. такого могло произойти в гарнизоне чрезвычайного, что мгновенно не стало бы известно всем? А пока в ка-

раул никто из гарнизона не звонил и не сообщал о ЧП.

– Так кто ломится? – повторил он, не получив мгновенного ответа.

– Не могу знать, товарищ капитан! – на этот раз четко отрапортовал солдатик, видимо несколько успокоенный неспешным тоном офицера.

Шепелев аккуратно положил трубку на рычаг и, не торопясь, извлёк ноги из-под пульта. Он сделал два шага к двери в караульное помещение, открыл её... и... услышал надрывный рев из-за ворот городка:

– Дай автомат! Дай автомат! Застрелю!

Капитан сразу узнал голос ломившегося в ворота офицера, и оттого немало не обеспокоившись, прошествовал к воротам. Подойдя к ним, он вступил с опознанным в разговор и наконец, насилу успокоив кричавшего такие странные и страшные вещи в мирное время капитана Супрыкина, – а это оказался именно он: кряжистый, широкоплечий, с туловищем борца, бравый, закаленный службой офицер – капитан Шепелев добился-таки от него более или менее связного рассказа, позвонил дежурному по части и доложил о происшедшем.

А дело было в следующем...

Погодите, задам сперва вам вопрос: как вы думаете, кто смог настолько нарушить душевное равновесие неустраши-

мого в жизни и на учениях, боевого вояку, спортсмена и тяжеловеса, капитана Супрыкина?

А-а-а-а! То-то и оно – ни за что не догадаетесь!

Тогда послушайте, что рассказал он сам, капитан Супрыкин, когда «шторм» стих.

Решили они с женой пойти порыбалить, благо рыбы, и не только самой рыбы, но и рыбы с икрой, в это время – путина, сами понимаете, до... ну, короче – много. Собрались, взяли, как положено, снасти, ведро побольше и двинулись к речушке вниз по дороге проселочной к подножию сопочки и той самой речушке в два метра шириной. Идут, птицы поют, солнышко лучиками по траве играет, деревья вековые таежные – хвойные и лиственные всякие – лапами мохнатыми покачивают и листвой со светом и тенью играют. Ароматы натуральные, опять же таежные – дыши полной грудью, пока в этом уголке таежном служишь-живешь, даже если придется это делать всю жизнь до пенсии самой. А что? Воздух, тишина, экология, тайга со съестными припасами круглый год под рукой. Дети в школе рядышком... ну и так далее... Нет, все-таки нельзя сказать, что совсем уж туго сейчас приходится, к тому же, может, времена поменяются – тогда все это богатство таежное ещё и к приличному денежному довольствию приложится...

И вот идут они так, переговариваются потихоньку о житье-бытье, рыбалку богатую предвкушают... к речушке подходят, снасти готовят, использовать их начинают и даже кое-

что в ведро уже положили... как вдруг... – шорох в кустах позади капитан слышит – а кругом тайга, берегов у речушки практически нет, прямо она по камешкам местности течет, и кусты густые, и деревца – почти у самой воды над ней нависают. И вот – шорох в этих самых кустах у капитана за спиной... – и возня, возня какая-то. Первая мысль, конечно, у капитана о Рыбнадзоре. Ёкнуло его сердце, и он потихоньку, жене ничего не сказав, чтоб не встревожить зазря, голову в сторону возни этой поворачивает... И что бы вы думали он перед своим носом видит?! Практически лицо-в-лицо, да что там лицо-в-лицо! – нос-к-носу (у страха-то глаза велики, как известно), на него смотрит... медвежья морда! Эта морда глядит во все свои блестящие, маленькие и хитрые глазки на капитана, нос черный курносый влажно у этой морды поблескивает, и пасть от любопытства аж приоткрыта – а там зубёшки, что твой частокол. Понятно – у страха глаза велики, но как тут не увидеть все именно в таком свете, если в тридцати сантиметрах от тебя среди бела дня башка медвежья образовалась – с большой арбуз.

Но капитан напрягся и панику подавил – он же все-таки мужик, да ещё офицер – и жене, не поворачивая головы в её сторону и взгляда от башки медвежьей не отводя, тихо так, одними губами, говорит:

– Бери ведро и медленно уходим.

А та все это время увлеченно рыбалит, оторваться не может. Но, видно, в голосе мужа или его полупшепоте уловила

что-то странное, и, оторвавшись от рыбалки, удивленно посмотрела на него – слова в горле так и застряли – лицо мужа белее мела, а капитан ей молча глазами назад показывает, мол, глянь сама. Та, как глянула, так тоже в полотно белое лицо свое и превратила: ни губ, ни щек, ни бровей с голубыми глазами не стало видно – сплошная белая маска. Однако жена офицера ко всему приучена, в том числе и мужа, если того требует обстановка, беспрекословно слушаться и быть боевой подружкой во всех испытаниях. Потому, ни ойкнув, ни ёкнув, слова не говоря, наклоняется она, ведро поднимает – капитан про снасти и забыл совсем – и они медленно-медленно, глядя в лицо медведю (кто-то из охотников рассказывал, что именно так надо с медведем вопрос решать), задом начинают пятиться вдоль речушки к той самой дороге проселочной, по которой недавно такие одухотворенные сюда шли. А медвежья морда постояла-постояла во весь свой немалый рост, затем вышла из кустов, опустилась на четвереньки, утробно рыкнула недовольно и посеменила за ними, мотая башкой. Да это медвежонок!

Однако радость была секундной – а что, если пострелёнок от матери-медведицы сбежал полюбопытствовать, откуда рыбным сытным духом потянуло, и мамаша уже ищет своё чадо ненаглядное и сейчас его рык услышала?!

Но супруги все же остановились: если медвежонок за ними припустится, то уж точно догонит, и тогда уже и мамаша будет не нужна – одной лапой припечатает, играючи, хоть

И медвежонок.

И вот они, вибрируя всеми внутренностями от страха, остановились, и медвежонок тотчас тоже остановился – смотрит на них, лапками своими косолапенькими на месте перебирает, словно мнетя в нерешительности, и раскачивается так это на них из стороны в сторону, башкой, как маятником, опустив нос к земле, но искоса исподлобья на супругов при этом поглядывая, мотает и издаёт при этом все тот же утробный рык «рыэ-э-э!» Супруги снова начинают потихоньку беззвучно пятиться – малыш снова за ними, уже

попроворнее. А дальше уже дорога начинается та самая, по которой они недавно круто вниз к сопке спускались, только теперь по ней им надо круто вверх, задом, подниматься.

...Ну, пятятся супруги так вот, а медвежонок – за ними проворно семенит и, похоже, чуть ли уже не вприпрыжку собирается бежать.

Тогда капитан решает взять огонь на себя. Он жене и говорит:

– Ставь ведро и давай тихонечко отходи задом, а я останусь и тебя прикрою. Если удастся тебе до гарнизона добежать – зови на помощь. Не удастся... Значит, и я... и меня...

Он так говорит жене, а у той глаза сразу увлажнились от любви, и она ими только молча вращает, типа – не уйду без тебя и смерть вместе принимать будем. Но по глазам супруга вдруг понимает, что не простит он ей никогда, если она не уйдет и помощь не приведет. И она ставит ведро это с рыбой у ног капитана и налегке начинает пятиться в гору. Медвежонок на её движение ноль эмоций, фунт презрения – на капитана смотрит, и жена, благополучно достигнув поворота дороги, за которым малолетний хищник уже не может её наблюдать, пускается со всех ног в гарнизон.

А капитан? Он видит, что медвежонок на отход жены не отреагировал, и решает, что, возможно, и его отпустит. Да дудки! Только он взял ведро и начал отступление, как этот малыш торопливо косолапыми лапками перебирая, и как-

то бочком, за ним снова пропустил.

Всё, думает капитан, точка, смерть пришла, не отпустит он меня. Ставит он снова это треклятое ведро наземь (нет, чтобы изначально сообразить, что они-то с женой медвежонку на фиг не нужны были, а только рыба в ведре, за её запахом он трусил за ними), короче – ставит ведро наземь, руками, даже уже не трясущимися, сигаретку достает – перед смертью хоть курнуть напоследок, – в рот вставляет, зажигалкой щелкает, и сделав судорожно затяжку с хорошей порцией никотина, прищуриль глаз, смотрит на медвежонка и, сам того не сознавая, начинает с ним душевный разговор.

– Ну чего тебе надо? – делает ещё одну затяжку, – ну послушай: чего ты за нами увязался? – ещё одна короткая затяжка, – чего тебе от меня нужно?

На его слова медвежонок, как ни странно, отреагировал. Он остановился, чуть покачался на лапках, башкой пару раз мотнул, искоса на всякий случай зыркнув на капитана, традиционно рыкнул «рыэ-э-э-э!» утробным, но ещё юношеским рыком, и на пятую свою точку уселся. Вытянул он ножки коротенькие нижние удобно, передними ножками подперся и посмотрел на капитана – ну самое время и место для душевного разговора, мол, продолжай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.